
Аксиологическая и личностно-ориентированная основа сотрудничества и взаимодействия субъектов образовательной среды

Axiological and Personality-Oriented Basis for Cooperation and Interaction of Subjects of the Educational Environment

Персоналистический анализ посттравматической деформации сознательных процессов

Красило А.И.

Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1996-0629>, e-mail: aikrasilo@list.ru

Статья посвящена изучению источников и особенностей посттравматической деформации сознательных процессов потерпевших с позиции нового направления в консультировании — культурно-исторического персонализма. Для этого предпринимается психологический анализ социальной формы психологической травмы, который позволяет объяснить навязчивые воспоминания и посттравматическую реактивность пострадавших как их же собственную, но объективированную и отчужденную, невротическую активность в сфере калейдоскопического сознания. Эта невротическая активность имеет и экзистенциальную сторону: пострадавший стремится освободиться от психологической власти участника травматической ситуации, на которого он проецирует всю вину за боль своих переживаний.

Ключевые слова: *насилие, изоляция, объективация, изоляционно-этическая форма психологической травмы, персонификатор, объективатор, психологическая власть, стрессор, калейдоскопическое сознание.*

Благодарности: *автор благодарит Забродина Юрия Михайловича, доктора психологических наук, профессора, проректора по межведомственному взаимодействию ФГБОУ ВО МГППУ, и Вихристюк Ольгу Валентиновну, кандидата психологических наук, руководителя Центра экстренной психологической помощи МГППУ, за создание творческих условий для инновационных исследований феномена посттравматического стрессового расстройства в ЦЭПП МГППУ, ставших важным этапом разработки нового направления в психологическом консультировании — культурно-исторического персонализма.*

Для цитаты: *Красило А.И. Персоналистический анализ посттравматической деформации сознательных процессов [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 2. С. 72–81. DOI:10.17759/bppe.2021180208*

Personalistic Analysis of Post-Traumatic Deformation of Conscious Processes

Aleksandr I. Krasilo

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1996-0629>, e-mail: aikrasilo@list.ru

The article is devoted to the study of the sources and features of post-traumatic deformation of the conscious processes of victims from the perspective of a new direction in counseling — cultural and historical personalism. For this purpose, a psychological analysis of the social form of psychological trauma is undertaken, which allows us to explain the obsessive memories and post-traumatic reactivity of the victims as their own, but objectified and alienated, neurotic activity in the sphere of kaleidoscopic consciousness. This neurotic activity also has an existential side: the victim seeks to free himself from the psychological power of the participant in the traumatic situation, on whom he projects all the blame for the pain of his experiences.

Keywords: *violence, isolation, objectification, isolation-ethical form of psychological trauma, personifier, objectifier, psychological power, stressor, kaleidoscopic consciousness.*

Acknowledgements: *the author thanks Yuri M. Zabrodin, Doctor of Psychology, Professor, Vice-Rector for Interdepartmental Cooperation of the Moscow State University of Psychology & Education, and Olga V. Vikhristyuk, PhD in Psychology, Head of the Center for Emergency Psychological Assistance of the Moscow State University of Psychology & Education, for creating creative conditions for innovative research of the phenomenon of post-traumatic stress disorder in the Center for Emergency Psychological Assistance of the Moscow State University of Psychology & Education, which became an important stage in the development of a new direction in psychological counseling — cultural and historical personalism.*

For citation: Krasilo A.I. Personalistic Analysis of Post-Traumatic Deformation of Conscious Processes. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 72–81. DOI:10.17759/bppe.2021180208 (In Russ.).

Террористические атаки в школах наносят психологическую травму всем прямым и косвенным участникам этих трагических событий. При этом ущерб затрагивает не только протекание бессознательных процессов пострадавших, буквально взрывая их эмоциональную сферу, но и провоцирует посттравматическую деформацию адаптивных сознательных процессов. Поэтому сознательное освоение своей психологической травмы пострадавшими представляет собой специальную теоретическую и практическую проблему.

Пытаясь интегрировать марксизм и фрейдизм, Э. Фромм [35] фактически перенес проблематику психологического анализа травматического опыта из сферы бессознательного в сферу сознания, особенности которой — по логике его вполне обоснованных рассуждений — как раз и определяют самые существенные трудности освоения пострадавшими своей психологической травмы. В самом деле, область сознания привлекает аналитический интерес не только после

травмы, в связи с необходимостью сознательного освоения травматических переживаний. Она, конечно же, существует и до травмы, и играет определенную роль в жизнедеятельности будущей жертвы, и презентирована ей — по классическому определению У. Джеймса — в качестве «потока сознания», который в результате травмы невротически переживается — по У. Р. Биону — как «сплошной поток мельчайших невидимых фрагментов» [30, с. 196].

Необходимо отметить, что глубокий экзистенциальный и персоналистический смысл понятия «поток сознания», как это ни парадоксально, удачно проясняется благодаря работам З. Фрейда [33; 34], который подчеркивал, что — вопреки доминирующей в начале XX века физиолого-бихевиориальной схеме — индивид не управляется внешними стимулами. Да, его «Эго» слабо контролирует собственные влечения, но ни бессознательное, ни само «Эго», которое является частью бессознательного, не управляются стимулами, исходящими извне. З. Фрейд исходил из того, что человек не может рассматриваться как безличный автомат, функционирующий в качестве пассивного объекта внешних воздействий.

В то же время в отечественной психологии — уже на основе марксистской методологии — последовательно развивался принцип деятельностной сущности сознания [14], определяющей активность и избирательность отношений индивида к бесконечному множеству источников внешней стимуляции. Сформировалось понимание того, что в норме индивид является субъектом, который не только переживает кризисные состояния, но и деятельно утверждает в общественной жизни свою «внутреннюю необходимость» [3]. Полностью разделяя эту теоретическую позицию, мы при этом, конечно, учитываем, что разрывать внешнюю и внутреннюю необходимость методологически и психотерапевтически довольно рискованно. Неслучайно Дональд В. Винникотт [4] был вынужден ввести понятие «промежуточной зоны опыта» между внешними и внутренними объектами. Очевидно, было бы методологически ошибочным считать, что индивид наглухо закупорен в этой «промежуточной зоне» и для него закрыто понимание внешней и внутренней необходимости. Но, вместе с тем, можно предположить, что именно в этой зоне он наверняка остается субъектом.

Для того чтобы индивид перестал быть субъектом и превратился в объект, управляемый лишь внешними стимулами, нужны определенные внешние — для человека всегда социальные — условия, хорошо изученные в работах гениального русского физиолога И.П. Павлова, а также в последующих исследованиях бихевиористов. Таких условий два: изоляция и насилие. В павловской «башне молчания» были обеспечены не только необходимые условия «чистого эксперимента», но и условия управления физиологическим секреторными функциями животного со стороны внешних «сигналов», которые могут рассматриваться на основе бихевиориальных схем как «стимулы». Только за счет насильственного закрепления подопытного животного в станке и его изоляции от неконтролируемых воздействий удалось экспериментально смоделировать у него невротическое состояние, похожее на состояние стресса у человека.

В реальных условиях аффект «метит» ситуацию насилия, которая превращается во внешний и одновременно — благодаря наличию травматического образа — внутренний стимул [30]. Повторяющиеся моменты реальной или мысленной фиксации на нем приводят к суммации аффекта и, в конечном счете, к аффективному взрыву [14], который по комплексу своих проявлений подобен синдрому панической атаки [29]. Но какое содержание метит аффект? Это вовсе не такой определенный и неизменный — даже в ракурсе его восприятия — сигнал, как, например, лампочка, звонок или электроудар. Пострадавший вспоминает некоторые фрагменты, которые аффективно переживаются, но не составляют единое целое. В их «калейдоскопическом» — по М. Кляйн [30, с. 35] — хаосе существенное содержание, необходимое для освоения травмы, соединено со случайным: угрожающий взгляд преступника, нож в его руке, куст сирени, бордюр, звук проезжающего трамвая, чей-то крик и т.д. Остается неясным, какое именно содержание метит аффект [14].

Понятно, что это — не целостный образ, а его фрагменты, похожие на «пазлы», из которых пострадавший впоследствии пытается восстановить объективную картину случившегося. На самом деле никакой объективной картины у него не может получиться, поскольку травматические «пазлы» результат объективации [2] состояния тревожности, а вовсе не идеальный результат «объективного познания». Более того, если он их и «соберет» в единое целое в процессе длительного посттравматического стресса, то перед ним предстанет ужасающая объективированная картина враждебности окружающего мира и его собственной беспомощности и абсолютной подавленности субъективного «Эго».

В этой связи необходимо уточнить значение привычного психотерапевтического понятия «освоение травмы» [4; 7; 13; 17; 19; 20; 22; 38]. Что это? Своеобразное «укрощение» бессознательного ранее бессильным дотравматическим «Эго», т.е. обретение жертвой способности управлять своим бессознательным, или что-то другое? Мы считаем, что социальная форма травмы навязывает пострадавшему специфическую фиктивную цель [1; 8]: сформировать устойчивое представление о травматической ситуации, некую наглядную «картинку», которая может быть основанием для нарратива, служащего пострадавшему в качестве защитного копинга [12]. Но все дело в том, что персоналистическое и познавательное содержание травмы является неисчерпаемым [8]. Ведь пострадавший не останавливается в своем развитии для освоения травмы, а продолжает жить с ее аффективным следом, который вовсе не дан ему в качестве вполне определенного «сигнала». И это многое объясняет.

Вместе с развитием личности пострадавшего травматическая ситуация презентуется ему во все новых социально содержательных — этических и эстетических — ракурсах. Таким образом, навязчивые воспоминания пострадавших — помимо возможности объективации тревожности в аффективном образе травматической ситуации — обогащаются социальным и экзистенциальным смыслом. Мы пока не рассматриваем реабилитационную возможность совершения такого социального поступка в настоящем, от которого пострадавший — под давлением каких-то внешних или внутренних обстоятельств — воздерживается и который мог бы компенсировать ему травматический ущерб. Как не затрагиваем и саму технологию реабилитации пострадавших. Здесь мы лишь пытаемся — для начала — проанализировать содержание собственно психологической травмы.

Психологическая травма образует в «потоке сознания» — который до этого еще как-то управлялся внутренней необходимостью — своеобразную воронку внешних стимулов [8; 9], хаотический поток которых непреодолимо овладевает бессознательными процессами и самим «Я» индивида. З. Фрейд в наглядной схеме функционирования целостной психики индивида [34] обозначил акустическое «окно», через которое — как мы имеем основания предположить — беспрепятственно начинают проникать «посттравматические стимулы», которым индивид может сопротивляться лишь путем их вытеснения. В это окно «второй сигнальной системы» проникают случайно брошенные окружающими слова, которые напоминают пострадавшим условия травматического события и увлекают их в плен иррационального и фрагментарного образа [7] травматического прошлого, подводя состояние индивида к переживанию ужаса насилия и ощущению своей беспомощности.

Вполне понятно, что «вторая сигнальная система» реально функционирует лишь в условиях посттравматического расстройства, которое в условиях падшего общества [2] становится массовым. Демократическое насилие, осуществляемое путем игровых манипуляций, всегда имеет своим условием временную или постоянную психологическую изоляцию массы индивидов, определяемых таким образом в качестве потенциальных жертв («виктимных личностей»). Базовым средством такой социальной по форме изоляции [35] в эпоху постмодернизма — по С. А. Митчел и М. Блэк [29] — наряду с практикой активного криминального провоцирования — является массовая общественная идеология индивидуализма, пропагандирующая достижение ценности лич-

ной свободы индивида путем разрыва всех его существенных связей с обществом, вплоть до иллюзии полной автономности и тотального превосходства недоразвитых и курьезных, по сути невротических, индивидуальных интересов социально и психологически несостоявшихся индивидов, отстаивающего свои «права человека» в ущерб интересам общества и в ущерб развитию собственной личности.

Таким образом, «поток сознания» не исчезает, а меняет свое русло, устремляясь в травматическое окно. Получается некоторое противоречие между динамической гипотезой З. Фрейда [33] и самоотчетом пострадавших, безуспешно пытающихся «выгрести» против безличного «потока невротизированного сознания». С одной стороны, мы имеем динамическую гипотезу актуального невроза [13; 33], предполагающую напор предельно напряженного либидо, не нашедшего себе выхода в результате испуга. С другой стороны, убеждаемся в существовании открытых для потока сознания «ворот» в бессознательное, куда устремляется психика, «подвижная, постоянно преломляющаяся и калейдоскопическая» [30, с. 35]. На самом деле речь идет не столько о потоке, сколько о некоей «воронке» в этом потоке, которую не стоит персонифицировать и наделять какой-то деструктивной силой. Ведь сила эта — суть объективированная и отчужденная от пострадавшего его же собственная невротическая активность. Если нет специфической активности самих пострадавших, то нет и никакого «потока», который затягивает их в травматическое прошлое.

Но эта невротическая активность имеет и экзистенциальную сторону [2; 6; 10; 39]. Пострадавший стремится освободиться от психологической власти [1; 8; 9] участника травматической ситуации, на которого он проецирует всю вину за боль своих переживаний (далее персонификатор), и не дать ему, используя термин Р. Д. Хиншелвуд, «добиться морального превосходства» [30, с. 185] над собой.

Если в условиях классической модели стресса — У. Кэннон, Г. Селье [12, 29] — индивид пытается порвать связь с угрожающим его жизни или свободе стрессором, пытается бежать или уничтожить агрессивный стрессор, то в условиях посттравматического расстройства он, напротив, все время мысленно и аффективно погружается в навязчивые воспоминания взаимодействия со стрессором [29]. Никакого другого логического объяснения, кроме существования невротической связи пострадавшего с персонификатором, этому иррациональному возвращению пострадавшего в травматическое прошлое невозможно найти. Именно потому, что в прошлом ему не удалось порвать психологическую связь с угрожающим объектом, он и пытается это сделать хотя бы в настоящем. Реальность психологической власти персонификатора для него весомее и зримее, чем внешняя иррациональность своего поведения. Но неисчерпаемость «помойного ведра» [21] психологической травмы не позволяет ему морально победить персонификатора и тем самым обрести возможность «сбросить груз» [14] ненавистного прошлого.

Одновременно с первой персонификацией пострадавший создает еще одну. Референтная группа пострадавшего и все общественные институты предъявляют к нему настойчивые требования объяснить его ситуативную «виктимность», т.е. объяснить то, что на самом деле еще недостаточно изучено в психологической науке и психотерапевтической практике. При этом общество не принимает на себя ответственность за создание травматической ситуации. По умолчанию предполагается, что вина за случившееся должна быть каким-то образом распределена между жертвой и объектом ее персонификации. Это отношение к себе со стороны своей референтной группы и общества в целом пострадавший объективирует в образе социального персонификатора (далее объективатора).

Вместе с тем, подневольное виртуальное общение пострадавшего с персонификатором и объективатором нельзя понимать психодраматически, как проигрывание ролей. Попытки пострадавшего снять с себя тяжесть вины встречает реальное или виртуальное «сопротивление» персонификатора и объективатора. В основе виртуального «сопротивления» лежит, с одной стороны,

объективация интуитивной деятельности потерпевшего, а с другой стороны — свойство языкового акта, который, по мнению Ф. Соссюра, «имеет характер наименее осознанного, наименее обдуманного заранее действия и в то же время наиболее безличного из всех действий» [25, с. 41]. Иными словами, пострадавшему презентированы два типа неосознаваемых продуктов: во-первых, интуитивные символические образы, объективированная творческая природа которых проявляет себя, в частности, в кошмарных сновидениях пострадавших и, во-вторых, продукты неосознаваемых языковых автоматизмов и мыслительных логических операций.

Если со стороны персонификатора пострадавший может предполагать эгоцентрический интерес, то активность объективатора целиком определяется попытками самого пострадавшего «запастись впрок» защитными аргументами (фактически, копингами), которые в своей массе опираются на импульсивно созданную и с необходимостью ложную логическую и фактическую основу и потому всегда неизбежно и беспощадно уничтожаются персонифицированной «активностью» объективатора. По своему содержанию невротический поток посттравматического сознания представляет собой бесконечную калейдоскопическую вариативность морально-нравственных и эстетических проблем, предъявляемых извне в форме обвинений. От качества их решения пострадавшим зависит социальная оценка его роли в травматической ситуации и — самое главное — его посттравматический социальный статус, который может колебаться от групповой и социальной изоляции до условного принятия на одном из не самых высоких уровней групповой структуры. Таким образом, существенная форма психологической травмы оказывается не психофизиологической, а изоляционно-этической и изоляционно-эстетической. Последняя наиболее жестока и безжалостна по отношению к пострадавшим.

Именно поэтому З. Фрейд, защищая пострадавших, агрессивно обрушился на морально-этические и религиозные системы, существовавшие тогда в качестве социальных условий реабилитации, и «заточил» их самих — как сказочного джинна — в изоляционный сосуд «Супер-Эго». Э. Фромм высоко оценил эту психотерапевтическую позицию З. Фрейда, назвав ее гуманистической. Но в связи с глобальным формированием потребительского общества [35] социальные условия коренным образом изменились. Катастрофический распад морально-нравственной системы создал угрозу массового распада личности у разобщенных индивидов. Психоаналитический способ помощи пострадавшим превратился в способ адаптации потерпевших к падшему обществу [2] за счет прогрессирующего распада социальных норм и духовных культурно-исторических ценностей. Вместо массы несчастных клинических невротиков стали формироваться тысячи «счастливых» социальных невротиков, торжествующих, к примеру, на гей-парадах. Таким образом, к примеру, вместо изучения сущности гомосексуальной травмы и поиска психологической технологии восстановления нарушенной половой идентификации стала социально поощряться активизация агрессивной гендерной идеологии, опирающейся на некие негуманитарные сциентистские исследования, которая навязывается большинству населения в качестве образа «объективной реальности», а также в качестве непререкаемого и общеобязательного набора социально-невротических норм.

В заключение этой статьи необходимо отметить, что социально-невротическое сознание травмы не является ее психотерапевтическим овладением точно так же, как и невротический поток сознания не является подлинным осознанием травматической ситуации. Продолжая идти по пути фрейд-марксизма, проложенному Э. Фроммом [35], можно отметить, что осознание необходимости, стоящей на пути развития личности и ее социальной самореализации [3; 11; 14; 15; 16; 18; 23; 27], всегда есть преодоление этой необходимости, ее подчинение внутренней необходимости развития личности пострадавших. Так же, как знание закона всемирного тяготения не мешает, а, напротив, помогает рассчитать полеты в космос, выявление закономерностей процесса превращения «потока сознания» в травматический поток стрессоров должно помочь более эф-

фективному преодолению негативных травматических последствий для всемерного и всестороннего развития личности пострадавших.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Прогресс, 1995. 291 с.
2. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 200 с.
4. Винникотт Д. В. Игра и реальность. М.: ИОИ, 2017. 208 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 433 с.
6. Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. Клинико-психологическая характеристика и экзистенциальная сущность «флорентийского синдрома» [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 3. С. 25–41. DOI:10.17759/cpp.2020280303
7. Кляйн М. Детский психоанализ. М.: ИОИ, 2016. 156 с.
8. Красило А.И. Психологическое консультирование посттравматических состояний. М.: МПСИ, 2004. 96 с.
9. Красило А.И. Психологическое консультирование: проблемы, технологии. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2007. 504 с.
10. Красило А.И. Специфические особенности и проблемы персоналистического консультирования // Культурно-историческая психология. 2014. Том 10. № 2. С. 95–104.
11. Красило Д.А. Методика исследования реального самоопределения подростков и молодежи // Психологическая диагностика. 2017. № 1. С. 59–77.
12. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. С. 178–208.
13. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
14. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2005. 511 с.
15. Леонтьев Д.А. Культурно-историческая психология деятельности в контексте «функциональной парадигмы» [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 2. С. 19–24. DOI:10.17759/chp.2020160203
16. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Альпина нон-фикшн, Смысл, 2019. 496 с.
17. Немировский К. Винникотт и Кохут. Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии. Интерсубъективность и сложные психические расстройства. М.: Когито-Центр, 2010. 217 с.
18. Новгородцева А.П. Внутренние конфликты подросткового возраста // Культурно-историческая психология. 2006. № 3. С. 38–50.
19. Основы микропсихоанализа: продолжение идей Фрейда / Марци Б. [и др.]. М.: Когито-Центр, 2018. 466 с.
20. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: Институт психологии РАН, 2019. 206 с.
21. Перлз Ф. С. Гештальт-Подход и Свидетель Терапии. М.: Либрис, 1996. 240 с.
22. Работа с родителями: психоаналитическая психотерапия с детьми и подростками / Под ред. Дж. Циантиса [и др.]. М.: Когито-Центр, 2019. 195 с.
23. Роджерс К. Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: ИОИ, 2018. 240 с.
24. Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб: Ювента; М.: КСП+, 1999. 347 с.
25. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2000. 274 с.
26. Социальная возрастная психология: Учебное пособие для вузов / Толстых Н.Н. [и др.]. М.: Академический Проект, 2019. 345 с.
27. Стеценко А.П. Критические проблемы в культурно-исторической теории деятельности: неотложность субъектности [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 2. С. 5–18. DOI:10.17759/chp.2020160202

28. Столорое Р., Брандшафт Б., Атеуд Дж. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М.: Когито-Центр, 2011. 256 с.
29. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Институт психологии РАН, 2019. 304 с.
30. Теории объектных отношений: от Мелани Кляйн к практике 21 века. М.: Аверс, 2019. 260 с.
31. Терапевтические отношения в психоанализе: Сборник статей. М.: Когито-Центр, 2007. 236 с.
32. Тревога и тревожность: Хрестоматия. М., Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. 240 с.
33. Фрейд З. Психология сексуальности. Харьков: Фолио, 2009. 287 с.
34. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Книга.1. Тбилиси: Мерани, 1991. 399 с.
35. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
36. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. 218 с.
37. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб: Питер, 1997. 606 с.
38. Юнг К. Конфликты детской души. М.: Канон, 1994. 336 с.
39. Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии: В 2 тт. Т. 2. М.: Академия; СПб: Белый Кролик, 1996. 256 с.

References

1. Adler A. Praktika i teoriya individual'noi psikhologii. Moscow: Progress, 1995. 291 p. (In Russ.).
2. Berdyaev N.A. Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya. Moscow: Respublika, 1995. 383 p. (In Russ.).
3. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1984. 200 p. (In Russ.).
4. Winnicott D. W. Igra i real'nost' = Playing and reality. Moscow: IOI Publ., 2017. 208 p. (In Russ.).
5. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii. T. 4. Detskaya psikhologiya. Moscow: Pedagogika, 1984. 433 p. (In Russ.).
6. Ermolaeva M.V., Lubovskii D.V. Kliniko-psikhologicheskaya kharakteristika i ekzistentsial'naya sushchnost' "florentiiskogo sindroma" = Clinical and Psychological Characteristics and Existential Essence of the "Florence Syndrome" [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 3, pp. 25–41. DOI:10.17759/cpp.2020280303 (In Russ.).
7. Klein M. Detskii psikhoanaliz = The psychoanalysis of children. Moscow: IOI Publ., 2016. 156 p. (In Russ.).
8. Krasilo A.I. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie posttravmaticheskikh sostoyanii. Moscow: MPSI Publ., 2004. 96 p. (In Russ.).
9. Krasilo A.I. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: problemy, tekhnologii. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: MODEK, 2007. 504 p. (In Russ.).
10. Krasilo A.I. Spetsificheskie osobennosti i problemy personalisticheskogo konsul'tirovaniya = Features and Problems of Personalistic Counseling. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2014. Vol. 10, no. 2, pp. 95–104 (In Russ.).
11. Krasilo D.A. Metodika issledovaniya real'nogo samoopredeleniya podrostkov i molodezhi = Technique for Study the Real Self-Determination of Adolescents and Youth. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2017. Vol. 14, no.1, pp. 59–77 (In Russ.).
12. Lazarus R. Teoriya stressa i psikhofiziologicheskie issledovaniya. In L. Levi (ed.). *Emotsional'nyi stress*. Leningrad: Meditsina, 1970, pp. 178–208. (In Russ.).
13. Laplanche J., Pontalis J.-B. Slovar' po psikhoanalizu = Vocabulaire de la psychanalyse. Moscow: Vysshaya shkola, 1996. 623 p. (In Russ.).
14. Leont'ev A.N. Lektsii po obshchei psikhologii. Moscow: Smysl, 2005. 511 p. (In Russ.).
15. Leontiev D.A. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya deyatel'nosti v kontekste "funktsional'noi paradigmi" = Cultural-Historical Activity Theory in the Framework of the "Functional Paradigm" [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020, Vol. 16, no. 2, pp. 19–24. DOI:10.17759/chp.2020160203 (In Russ.).

16. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoi prirody*. Moscow: Al'pina non-fikshn, Smysl, 2019. 496 p. (In Russ.).
17. Nemirovsky C. *Vinnikott i Kokhut. Novye perspektivy v psikhoanalize, psikhoterapii i psikhiatrii. Intersub"ektivnost' i slozhnye psikhicheskie rasstroistva = Winnicott y Kohut*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2010. 217 p. (In Russ.).
18. Novgorodtseva A.P. *Vnutrennie konflikty podrostkovogo vozrasta=Inner conflicts in adolescence. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2006, no. 3, pp. 38–50 (In Russ.).
19. Marzi B. et al. *Osnovy mikropsikhoanaliza: prodolzhenie idei Freida*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2018. 466 p. (In Russ.).
20. Padun M.A., Kotel'nikova A.V. *Psikhicheskaya travma i kartina mira: teoriya, empiriya, praktika = Psychological trauma and the picture of the world: theory, empiriya, and practice*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019. 206 p. (In Russ.).
21. Perls F. S. *Geshtal't-Podkhod i Svidetel' Terapii = The Gestalt Approach and Eye Witness to Therapy*. Moscow.: Libris, 1996. 240 p. (In Russ.)
22. Tsiantis J. et al. (ed.). *Rabota s roditelyami: psikhoanaliticheskaya psikhoterapiya s det'mi i podrostkami = Work with Parents. Psychoanalytic Psychotherapy with Children and Adolescents*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2019. 195 p. (In Russ.).
23. Rogers C. R. *Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psikhoterapiyu = On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy*. Moscow: IOI Publ., 2018. 240 p. (In Russ.).
24. Sullivan H. S. *Interpersonal'naya teoriya v psikhiatrii = The Interpersonal Theory of Psychiatry*. Saint-Petersburg: Yuventa; Moscow: KSP+, 1999. 347 p. (In Russ.).
25. Saussure F. *Zametki po obshchei lingvistike = Écrits de linguistique générale*. Moscow: Progress, 2000. 274 p. (In Russ.).
26. Tolstykh N.N. et al. *Sotsial'naya vozrastnaya psikhologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2019. 345 p. (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Stetsenko A.P. *Kriticheskie problemy v kul'turno-istoricheskoi teorii deyatel'nosti: neotlozhnost' sub"ektivnosti = Critical Challenges in Cultural-Historical Activity Theory: The Urgency of Agency [Elektronnyi resurs]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 2, pp. 5–18. DOI:10.17759/chp.2020160202 (In Russ.).
28. Stolorow R. D., Brandchaft B., Atwood G. E. *Klinicheskii psikhoanaliz. Intersub"ektivnyi podkhod = Psychoanalytic Treatment: An Intersubjective Approach*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011. 256 p. (In Russ.).
29. Tarabrina N.V. *Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa: teoriya i praktika = Psychology of post-traumatic stress: theory and practice*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019. 304 p. (In Russ.).
30. *Teorii ob"ektnykh otnoshenii: Ot Melani Klyain k praktike 21 veka*. Moscow: Avers, 2019. 260 p. (In Russ.).
31. *Terapevticheskie otnosheniya v psikhoanalize. Sbornik statei*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2007. 236 p. (In Russ.).
32. *Trevoga i trevozhnost'. Khrestomatiya*. Moskva, Saratov: Ai Pi Er Media, 2019. 240 p. (In Russ.)
33. Freud S. *Psikhologiya seksual'nosti*. Kharkov: Folio, 2009. 287 p. (In Russ.)
34. Freud S. "Ya" i "Ono". *Trudy raznykh let. Kniga.1*. Tbilisi: Merani, 1991. 399 p. (In Russ.).
35. Fromm E. *Dusha cheloveka*. Moscow: Respublika. 1992. 430 p. (In Russ.).
36. Horney K. *Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaya teoriya nevroza= Our Inner Conflicts. A Constructive Theory of Neurosis*. Saratov: Ai Pi Er Media, 2019. 218 p. (In Russ.).
37. Hjelte L., Ziegler D. *Teorii lichnosti = Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Application*. Saint-Petersburg: Piter, 1997. 606 p. (In Russ.).
38. Jung K. *Konflikty detskoj dushi*. Moscow: Kanon, 1994. 336 p. (In Russ.).
39. Jaspers C. *Sobranie sochinenii po psikhopatologii. V 2 t. T. 2*. Moscow: Akademiya; Saint-Petersburg: Belyi Krolk, 1996. 256 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Красило Александр Иванович

*кандидат психологических наук, профессор, кафедра детской и подростковой клинической психологии,
Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), г. Москва, Рос-
сийская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1996-0629>, e-mail: aikrasilo@list.ru

Information about the authors

Aleksandr I. Krasilo

*PhD in Psychology, Professor, Department of Child and Adolescent Clinical Psychology, Moscow Institute of
Psychoanalysis, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1996-0629>, e-mail: aikrasilo@list.ru

Получена 23.07.2021

Received 23.07.2021

Принята в печать 13.08.2021

Accepted 13.08.2021